

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-260-273

Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1970 год — второй сезон. Дневник этнографического отряда (продолжение: 16 сентября – 28 сентября 1970 г.)*

*Наталья Львовна Жуковская*¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Жуковская Н. Л., 2021

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений по истории этнографического изучения монгольских народов. В 2018–2019 гг. в журнале «Монголоведение» были опубликованы страницы дневника этнографического отряда Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции, относившиеся к 1969 г. — первому сезону ее работы в Монголии. В публикации 2020 г. в этом же журнале была продолжена публикация дневниковых записей этнографического отряда за полевой сезон следующего 1970 г. В публикуемых в данной статье дневниковых записях речь идет о встречах с учеными разных стран в Улан-Баторе, о работе в центральных аймаках Монголии.

Ключевые слова: Монголия, историко-культурная экспедиция, сомоны Сайхан, Булган, Баян-Агт, монастырь Амарбаясгалант, Дархан, советская автобаза, самый лучший кумыс, технические таланты Цэрэнсоднома

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция. 1970 год — второй сезон. Дневник этнографического отряда (продолжение: 16 сентября – 28 сентября 1970 г.) // Монголоведение. 2021. № 2. С. 260–273. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-260-273

* Данная статья является продолжением статей, опубликованных в журнале «Монголоведение» (№ 3, 2018; №№ 1, 2, 3, 2019; № 1, 2020) [Жуковская 2018; Жуковская 2019а; Жуковская 2019б; Жуковская 2019в; Жуковская 2020].

The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1970 — Season Two. Diary of the Ethnography Research Team (Continuance: September 16 – September 28, 1970)¹

Natalia L. Zhukovskaya¹

¹ Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Asiatic and Pacific Studies

 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Zhukovskaya N. L., 2021

Abstract. The *aim* of the present article is to introduce the new data on the history of ethnographic studies of Mongolian peoples. In 2018–2019, *Mongolian Studies* published abstracts from the diary of the ethnographical team of the Soviet-Mongolian Complex Expedition for Historical-Cultural Studies; the publications deal with the year 1969, the first season of the Expeditions' work in Mongolia. The 2020 article in *Mongolian Studies* includes the materials of the diary that deal with the next field season in Mongolia in 1970. This article continues the series of ethnographical diary publications, focusing on meetings with scholars from different countries in Ulan-Bator and the Expedition's work in the central *aimaks* of Mongolia.

Keywords: Mongolia, Expedition for Historical-Cultural Studies, the *somons* of Saikhan, Bulgan, Baian-Agt, Amarbaiasgalant monastery, Darkhan, Soviet *avtobaza*, the best *kumis*, Tserensodnom's practical talents

For citation: Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1970 — Season Two. Diary of the Ethnography Research Team (Continuance: September 16 – September 28, 1970). *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(2): 260–273. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-260-273

* * *

Со 2 по 10 сентября прошел 2-й Международный конгресс монголоведов. Это был первый опыт моего участия в таком конгрессе. Удалось установить контакты с учеными из разных стран, послушать интересные доклады, и, хотя сама не участвовала, с интересом прослушала несколько дискуссий по важным проблемам истории Монголии.

Как я уже писала в первой части дневника за 1970-й год, дневник в это время я не вела, насыщенность дней событиями не давала возможности это сделать, о чем почти сразу начала жалеть. С окончанием конгресса пришлось заново возвращаться к экспедиционным делам. Несколько дней прошли в ожидании, пока все монгольские ученые и чиновники, от которых зависит при-

* The article continues previous publications (see *Mongolian Studies* 3, 2018; *Mongolian Studies* 1–3, 2019; *Mongolian Studies* 1, 2020 [Жуковская 2018; Жуковская 2019а; Жуковская 2019б; Жуковская 2019в; Жуковская 2020])

нятие каких-то решений, связанных с работой совместных советско-монгольских экспедиций, немного отдохнут и снова займутся делами. На это ушла еще неделя. И вот, наконец, все образовалось.

16 сентября, среда. Сегодня после долгих мытарств (в том числе выплаты-невыплаты денег) второй заезд этнографического отряда все-таки выехал в поле. Его состав: я, Цэрэнханд — младший научный сотрудник Института истории АН МНР, Цэрэнсодном — младший научный сотрудник Института языкознания АН МНР, шофер Яков Здонов. Машина — Газ-66, МКД 83-71. Маршрут — Булганский аймак, вначале Булган — его административный центр, дальнейшая ориентировка произойдет на месте. С утра получали козы дохи на базе академии, так как уже начались холода, а мы едем на север, потом искали дом, где живет Цэрэнсодном. На прощание гостиница «Алтай» устроила мне свой прощальный «салют», обвинив в подмене ее пуховой подушки на ватную. Какое-то недоразумение, но за подушку едва не пришлось платить. Наконец, в 11 часов все дела были закончены, и мы, зайдя последний раз на почту, где для нас опять ничего не было, двинулись в путь. Первая часть пути проходила по той же дороге, что месяцем раньше вела нас на Хара-Хорин. Потом она свернула к северу. Проехали в первый день 350 км. Остановок, кроме пятиминутных для того, чтобы перекусить, не делали. В 7 часов вечера в двух километрах от р. Толы встали на ночлег и сварили наш первый ужин. Вечер теплый, удивительные краски заката. На горизонте гряда темно-синих гор, над ними яркая оранжевая чистая полоса заката. Такое сочетание цветов очень распространено в одежде монголов: темно-синее дэли и оранжевый пояс к нему. Понятно, откуда монголы берут краски для своей одежды.

17 сентября, четверг. Первую половину ночи было тихо и тепло. Полнолуние. Но в середине ночи поднялся страшный ветер, палатка наша, не имевшая пола, приподнималась на своих четырех углах и страшно хлопала пологом. Нас ветер не задевал, так как мы спали на сложенном вчетверо брезенте, на дохах и ватниках и еще в спальнях мешках. Встали рано. Утро холодное, хотя и ясно. Разогрели остатки вчерашнего ужина — картошку с бараньей тушенкой и чай — и поехали дальше. Дорога красивая, по-прежнему идет на север, временами напоминает Кавказ. На склонах гор рощи деревьев, которые спускаются прямо к дороге, иногда пересекаем высохшее русло, прямо по которому растет полоса деревьев. Переехали Орхон, от него до Булгана было еще 25 км. Примерно в 13 часов прибыли, наконец, в Булган. Со скрипом устроились в гостиницу, так как второй этаж ее на ремонте, а на первом мест нет. Наконец, нашли нам комнату в 5 коек. Яша остался ночевать в машине. Устроившись в гостинице и пообедав в местной столовой (лапша оказалось паршивой, и мои монгольские коллеги быстро прокисли от ее вкуса), мы пошли в городской комитет МНРП². Там нас встретил один из начальников отделов, который был весьма вежлив и любезен, и посоветовал ехать в следующие сомоны в западной части аймака: Сайхан, Баян-Агт, Хутаг, Бугут, а на обратном пути вернуться в Булган и тогда уже ехать на Амарбаясгалант. Решили так и сделать.

² Монгольская народно-революционная партия.

Потом пошли в местный краеведческий музей. Он существует с 1954 г. В нем хорошо представлена местная геология, флора, фауна, но гораздо хуже история. Несколько орудий каменного века, несколько (4–5) бронзовых ножей. Эпоха маньчжурского ига представлена огромными железными цепями, которые вешались на ноги заключенных, и макетом дворца Цокто-тайджи, предполагаемая территория которого находится возле сомона Дашинчэлэн и которую мы видели во время поездки в Хара-Хорин, заехав туда с отрядом Лившица. Есть несколько недавно, в 1960-е годы, сделанных рисунков с изображением Вангийн-хурэ и его отдельных храмов (Диважин, Цогчин и др). Этнографический раздел очень мал: висит один халхаский халат и один шаманский костюм — и тот и другой без прилагающихся к ним деталей. Несколько предметов быта: *цацал* — ложка для брызганья *архи* и молочных продуктов духам, черпак для кумыса с рукояткой в виде головы коня, деревянный трапезиообразный сосуд-мерка для измерения муки, зерна и деревянные отполированные весы. Есть несколько деревянных изделий местных мастеров. Был довольно интересный и достаточно представительный набор ламаистских музыкальных инструментов: *гандан* (многометровые трубы нескольких размеров), *ганлин* (флейта из берцовой кости молодой девушки), *кынгыргэ* (барабан), *цан* (металлические тарелки цимбал), *дамару* (небольшой барабан с прикрепленным к нему ударником), рог с головой дракона на конце, *дунг* (раковина, закрученная вправо). Много фотографий, связанных с деятельностью Хатан-Батора Максаржава, монгольского полководца начала XX в., который родом из этих мест.

При музее оказался филиал, посвященный событиям гражданской войны и нашим дням, он находится в особом помещении на выезде из города. Поехали к нему на машине, взяв с собой ключницу с ключами. Там оказалось несколько интересных схем: религиозные центры бывшего аймака, схема расположения святынь внутри монастыря Вангийн-хурэ (последнюю срисовать не удалось, так как это целая картина, не поддающаяся простой схематической перерисовке).

Современный отдел такой, как и везде: фотографии руководителей района и передовиков производства, их почетные грамоты, чьи-то личные вещи и др. Вечером прошлись по городу. Он пыльный, хотя и много меньше, чем Арвай-Хэрэ. В городе есть элеватор, пекарня, в столовой нас кормили мягким и вкусным хлебом. Есть артель по производству стандартных для сельских мест Монголии изделий. В магазин, где они продаются, мы не попали, он был закрыт. Вечером поужинали в той же столовой и рано легли спать. Перед сном вели научные беседы с Цэрэнсодномом. Потом мы с Цэрэнханд уснули, а проснулись от того, что в наш номер ввалилась целая компания веселых приятелей Цэрэнсоднома, журналистов, которым негде было ночевать, и они пристроились в нашей комнате.

18 сентября, пятница. Утром неразбериха при подъеме. Слишком много посторонних лиц в комнате. К тому же ночью, когда все впопыхах сваливалось с кровати на окно и стулья, кое-что затерялось. Ищем свои брюки, куртки и прочее. Завтракаем в той же столовой (она же единственный по вечерам ресторан города), в особом кабинете с телефоном.

В 10 часов выезжаем. Дорога не та, по которой мы прибыли в Булган, а другая, через аэродром. Долгое время она шла прямо на север, потом резко повернула на запад. Местность горнолесная, совсем как южное Забайкалье и Предбайкалье. Яркие желто-красные осенние краски. На склонах гор желто-зеленые лиственницы. Заехали в юрту спросить дорогу. Юрты вообще по пути встречались довольно редко, поэтому мы заехали в первую же. Хозяйственный комплекс этой юрты выглядел так: юрта, рядом белый *майхан* в качестве хозяйственной постройки. В нём сложены всякие хозяйственные предметы. Далее небольшой загончик для скота. На расстоянии 1–3 км видны несколько табунов лошадей. Их обслуживает, доит, делает кумыс одна семья: муж с женой, сын, еще школьник, учится в интернате в Бугате. Юрта стоит здесь временно, и все хозяйство при ней временное. Внутри повсюду заготовки пищи: разделанный баран, мясо тарбагана порезано на тонкие полосы, которые подвешены над очагом, где они подсыхают и копятся, под кроватью прямо на земляном полу лежат сушеные грибы типа наших белых. Нас угостили свежим кумысом и *урюмом* (пенками). Возле юрты находятся три деревянные телеги, несколько собак довольно лениво охраняют это хозяйство. Узнали дорогу и поехали дальше. От юрты до Сайхан-сомона оказалось еще 80 км (до этого места было 60).

В 15 часов прибыли в Сайхан-сомон. Нашли хозяйку гостиницы, сразу же нас облепили любопытные дети, интересуясь всем на свете: номером машины, тем, что в сумке, видом нашей одежды. Нам на троих (кроме Яши, который, как всегда, спит в машине) выдали четырехкочную комнату с разбитой форточкой (благо еще тепло). Для начала мы отправились к сомонному партийному дарге, который записал все интересующие нас вопросы и обещал выделить нам информантов.

Потом прямо в гостиницу принесли заранее заказанный нами обед — бузы и чай. Чай оказался черным по монгольским понятиям, бледно-желтым и без молока, к тому же с солью. Пить его не стали даже монголы. Бузы были уже остывшие и жирные.

Осмотрели исторический кабинет, который есть при сомоне. Старое и новое — вот два основных его раздела. Старое — предметы старого быта, кое-какие предметы культа: фарфоровая фигурка Цаган Убугуна (Белого Старца), 8 жертв (набор предметов для храмового или домашнего алтаря), *хонхо* (колокольчик), одна буддийская икона (*зураг бурхан*) и др. Новое — продукция сомонного СХО (сельскохозяйственное объединение): шерсть, зерно, вязаные изделия из шерсти, вышивки, сделанные руками женщин сомона. Портрет Ленина вышит женой сомонного дарги. На стенах фотографии передовиков труда СХО и отдельные производственные эпизоды. Тут же небольшая библиотека и архив сомона. В библиотеке оказалось почему-то много книг по Румынии: учебник румынского языка, история Румынии, книга по румынской живописи и т. д.

Пообедали. По время обеда к нам зашел дарга СХО и назвал несколько фамилий стариков в самом сомоне и в бригадах, с которыми нам имеет смысл встретиться. Тут же я и Цэрэнсодном пошли к одному из них — Дамдинтугч-гуаю, халха, 67 лет. Позднее к нам присоединилась Цэрэнханд. Вечером вели душещипательные научные беседы с Цэрэнсодномом. Спать легли рано.

19 сентября, суббота. Встали в 7.30. Несмотря на просьбу подать завтрак к 8 получили его только в 9.30–10. К этому времени как раз подошли информаторы, и прямо в гостинице мы провели с ними беседу. Сначала пришел Гомбо-гуай, бывший лама-гэбши Вангийн-хурэ и Да-хурэ. Как только закончили беседу с Гомбо-гуаем, подошел еще один информант — Манал, тоже бывший лама-гэбши Баруун-гуний-хурэ, находившегося возле Дашинчэлэна, а затем в Богдо-хурэ. Обед опять опаздывал на два часа, в ожидании его мы залезли на самый высокий холм сомонного центра и сняли оттуда план сомона, сходили в магазин, и только тогда оказалось, что обед вот-вот поспеет.

После обеда выяснилось, что в бригаду ехать уже поздно, и мы с Цэрэнханд пошли к местному информанту Дамдинсурэну. Его не было дома, только его жена и внуки. Одна из внучек, когда мы пришли, шила дэли на вате, но тут же смущенно все свернула и убрала. Оказалось, что она окончила в Улан-Баторе швейное училище европейского платья и сейчас работает в пошивочной мастерской в Булгане. Там шьют мужские и женские европейские костюмы, национальную одежду (дэли). В день шьют обычно по два мужских костюма. При изготовлении костюма специализированно заняты восемь человек (у моей сестры Лены на фабрике в Москве — такой же костюм шьют тридцать человек). Девушка показала мне, как делается раскрой дэли. Внезапно на мотоцикле подъехал Цэрэнсодном и его друг директор школы Хорло, которые стали проситься поехать в бригаду на «охоту» за кумысом, обещали вечером вернуться.

Сайхан-сомон славится на всю Монголию своим кумысом и немало этим гордится. Объясняется этот каким-то особым набором трав, которые растут в этих местах и которые придают кобыльему молоку особый вкус. Поэтому неудивительно, что все тут озабочены тем, где достать и как сохранить как можно дольше замечательный местный кумыс.

Я разрешила Цэрэнсодному и Хорло поехать в бригаду, но Яков отказался ехать с ними, боялся, что это может превратиться в многодневный кумысный «запой». Тогда решили ехать все вместе и ночевать в бригаде, но долго собирались, стемнело и ехать уже было поздно. Мероприятие отложили на завтра. Яков простудился, ночуя в машине, и хотел на ночь выпить горячего молока. С трудом добыли ему молоко, хотя СХО молочного направления. Местные жители объяснили это тем, что готовят молочные продукты на зиму и свободного молока нет.

Приятель Цэрэнсоднома Хорло принес нам сваренное мясо тарбагана, которого подстрелил вчера на охоте, сказал, что оно полезно при простуде, и уговаривал Яшу его попробовать. Но Яков боится тарбаганьей чумы и пробовать мясо не стал, а мы его с удовольствием поели. Неприятная отрыжка, которая бывает после поедания холодного жирного тарбаганьего мяса, нас не испугала, и насчет чумы Хорло нас успокоил, сказал, что уже лет двадцать в этих местах про нее не слышали. Цэрэнсодном достал несколько интересных старых книг — по вечерам их читает: Джатака о Будде — на тибетском, о Молон-тойне — на монгольском с весьма впечатляющими иллюстрациями ламаистского ада.

20 сентября, воскресенье. Встали пораньше, чтобы ехать в бригаду. К удивлению, нас, действительно, накормили в 8 часов очень вкусной жареной картошкой с куском отбивного мяса. В качестве проводника взяли с собой вчерашнего информатора Гомбо-гуая, который в свою очередь взял с собой бочку для кумыса. М-да, как бы не начался у нас кумысный запой! Поехали в четвертую бригаду, её фермы и отдельные юрты очень разбросаны. У нас 4 имени информантов, но Гомбо добавляет к ним новые. В одной из юрт нас угостили тарбаганьим мясом.

Первая остановка и первый информант — Жамсаран-гуай, бывший лама Чойра-дацана Вангийн-хурэ. Местечко называется Жаргалант (долина и небольшая гора с обо на вершине, от которого уже ничего не осталось). В юрте подвешен громадный кожаный бурдюк с кумысом. Старик — большой специалист по изготовлению бурдюков. Цэрэнханд записывает технологию приготовления кумыса. Тут же в юрте толкнутся двое детей полутора и трех лет с абсолютно светлыми волосами — даже в России такой светлый цвет волос редок. Их отец смеется, у него 7 детей — только эти двое, самые младшие, почему-то светловолосые. Фотографирую их. У самого младшего на шее — ожерелье из желтой пасты, похожей на янтарь. Они говорят, что это и украшение, и защита от ангины, так считается в народе. Тут же рядом в загоне для скота метят ножницами уши овец — делают почти прямоугольный вырез. Овцы бегают все в крови, но не орут.

Едем дальше, прихватив с собой резвую старушку с очень живыми глазами — мать того героя, памятник которому стоит в парке Булган-сомона. Следующая остановка — ферма. Нашего информанта здесь нет, но зато есть лама-астролог (*зурхайч*) из Вангийн-хурэ. Однако при всей его кажущейся приветливости беседа у нас так и не склеилась. Возле юрты три громадных бурдюка с кумысом — на 300–500 литров каждый. Хозяин говорит, что они готовятся к Цагаан-Сару — празднованию Нового года, который будет в феврале, и запа�ают кумыс. Зимой он замерзает прямо в бурдюках, а когда надо, откалывают куски и размораживают. Делают это к празднику. Следующим в этой группе айлов оказался информант — известный певец, исполнитель народных песен и благопожеланий. Цэрэнханд записала у него несколько йоролов. В следующих айлах наполняем, наконец, бочку Гомбо-гуая кумысом.

У хозяина юрты на его красном столике — алтаре в северной части юрты — стояли прекрасные изображения Ши-цзи из дерева, печать для делания субурганов из глины, отличное маленькое *хурдэ* (молитвенная мельница), несколько *гоу* (буддийский амулет) и *зураг бурхан* в хорошей оправе. В следующей группе айлов два часа ждем информанта. Он так и не прибыл, но его невестка успела нас за это время дважды накормить и несколько раз приготовить свежий чай.

Зарисовываем у нее внутреннее убранство юрты (старого типа) и деревянные повозки, сделали обмер и фотографии. Последний информант оказался очень симпатичным ламой, одиноко живущим в маленькой юрте, окруженной деревянной галереей, которая поддерживает железный навес над верхней частью юрты. Необычное сооружение. Старик сообщил, что он бывший лама Чойра-дацана из Да-хурэ в Улан-Баторе. Имя его Совд, сейчас работает в зем-

ледельческой бригаде сомона. С монастырем расстался в 1937 г. С тех пор живет в этих местах. А последние несколько лет — в этой юрте, никуда не кочуя летом. Она у него поставлена навечно. Он показывает свои четки — они из того же ореха, что у многих в этой местности. Только зерен у него 85 — говорит, что остальные рассыпались и потерялись. На вопрос, почему надо иметь 108 зерен, говорит, что не знает, чтобы эта цифра была обязательной, но, возможно, это от 108 пандитов-учеников Бурхан-багши (Будды). С другими ламами Чойра-дацана из Да-хурэ, живущими в этой местности, связи уже давно не поддерживает, в гости к ним не ездит, они к нему тоже не приезжают. Спрашиваю, почему у него не висит изображение его личного *сахууса* (личного божества-покровителя) под *тооно* (верхнее отверстие юрты, через которое проходит дым и проникает дневной свет) крыши. Отвечает, что у него нет надобности вешать изображение под крышей. Его *сахуус* — Гомбо, он его помнит, не забывает, но говорит, что можно, не забывая *сахууса*, не вешать его изображение под *тооно* — это совсем не обязательно для верующего человека. *Сахуус* должен быть «в себе». Спросила его про *очир* — почему он так часто изображается в руках богов. Отвечает: об этом написано много книг, и все их пересказать невозможно. Но *очир* в руке божества означает, что он крепок в вере. Тут же пояснил, что санскритское слово *ваджра*, тибетское *дорж* и монгольское *очир* означают одно и то же — пучок скрещенных молний как оружие богов.

К сожалению, этот довольно знающий информант попался нам слишком поздно по времени, пришлось от него рано уехать, так как стало уже темно, хотя Совд был готов говорить хоть всю ночь. Но Гомбо и старушка, которые с утра ездили с нами, уже измучились, и пора было отвезти их домой. Последний заезд в айл к сыну старушки. Уже совсем темно, хотя только 8 часов вечера. Прибыли в наш сомон в 9 часов вечера без приключений. Завезли Гомбо и его бочку с кумысом домой. Там же оставили Цэрэнсоднома. Потом мы долго ломались в гостиницу, которая оказалась запертой на монгольский замок, но вместо ключа к нему была в условленном месте оставлена вилка. Вилку в итоге мы погнули, замок сломали, после того как пять человек: Яша, Цэрэнханд, Хорло и два его приятеля — потрудились над ним.

21 сентября, понедельник. Опять нам вовремя не дают завтрак. Хозяйка гостиницы и столовой улыбается нам во весь рот, принимает от нас подарки, но завтрак так и не несёт. Пользуюсь случаем, заполняю дневник.

Цэрэнханд выпила утром кофе, и ей теперь плохо, а кофе был совсем слабый. Цэрэнсодном, наоборот, полон кипучей деятельности. Хотим набрать воды во фляги. Но колодцы на ремонте, и сделать это можно только в реке — там, где бьет сам источник.

Общие впечатления о сомоне. Сельскохозяйственное объединение существует 10 лет. В нем 5 бригад, включая сам центр сомона. Мы посетили одну, четвертую, — она комплексная, в ней и развито скотоводство, и есть земельные угодья. Территория сомона очень разбросана. Компактно расположены современные постройки: жилые дома, территория школы-интерната, магазины, гостиница, библиотека и т. д. Юрты разбросаны, хотя определенный порядок есть и тут. Все выходы на юг (из домов тоже). Если рядом стоят 3–4 юрты,

то стоят они по традиции на одной линии, вытянувшись с востока на запад. Сейчас все юрты стоят на летних кочевках, у всех земляной пол, устланный в большинстве случаев овечьими шкурами мехом вверх. Территория сомона очень грязная. Остатки еды, рога съеденных животных, выброшенные вещи, кал людей и животных (сортиры только возле административных зданий, но и вокруг них наложены кучки там и сям). Обе наши хозяйки проводили нас очень доброжелательно, облагодетельствованные моими и Яшинными подарками. Теперь мы держим путь на Баян-Агт. До Баян-Агта от Сайхан-сомона 60 км. Километров через 10 проезжаем прекрасную быструю горную реку Хануй-гол, приток Селенги. Делаем на её берегу обеденный перерыв. Вода прозрачная, чистая, быстрая. Все делают маленькую постирушку, Цэрэнсодном бродит по окрестностям с ружьем, но безрезультатно.

В 15 часов приезжаем в Баян-Агт (его самоназвание можно перевести так: место богатых табунов). Сомон разбросанный, но расположен в довольно живописном месте. С севера и запада к нему подступают горы. Сомон уступами поднимается в гору. Все юрты и хозяйственные постройки имеют специальные подставки, чтобы не клониться в сторону спуска. Деревянные дома дополняют хозяйственный комплекс. Дом вполне жилой, в нем только смещено обычное расположение утвари, характерное для юрты. В доме живут летом, сейчас многие уже ставят юрту на зиму. Деревянные круглые основы юрт с несколькими ступеньками, ведущими ко входу, — местное новшество. Место для зимних юрт всегда постоянное. Летние юрты могут ставить рядом с зимними (метрах в двух–трех), но уже прямо на земле.

Побывали у сомонного дарги, получили имена нескольких информантов в сомоне и в бригадах. Вечером побывали у двух из них. Оюур — бывший лама, халха, 70 лет, и лама Чойра-дацана Балиг-хурэ. В момент нашего прихода первый как раз вел подготовительные работы к установке юрты на зиму. Наполнил нас чаем и *архи* домашней перегонки и подарил по три тугрика каждому. У второго информанта большая разбитая параличом жена, которой стало плохо вскоре после того, как мы пришли, и нам пришлось уйти. Вечером Цэрэнсодном ушел на полночи к какому-то своему информанту за книгами.

22 сентября, вторник. Утром я с Цэрэнханд отправилась к бабушке Цэвэнху, халха, 62 года. Ее не оказалось дома, мы в ожидании присели возле юрты, и тут ее лихо привез на мотоцикле сомонный механик, который знал, что мы сюда пошли. Беседу вели, собственно, не столько с ней, сколько с ним, так как он оказался намного более сведущим во всех интересующих нас вопросах. Часов в 12 отправились во вторую бригаду. Там был всего лишь один информант Дындып и тот тоже очень больной, говорил с трудом и в основном не на конкретно поставленные вопросы, а отвлекаясь о науке. Его родственница тут же на прялке пряла верблюжью шерсть, которая потом идет только на нитки, которыми сшивают войлочные покрытия для юрт. Сфотографировала прялку, упряжь для быка в деревянную повозку. Тут же самодельные детские игры: из щепок сделан *хашан* (загон для скота), шишки (овцы), деревянные чурбачки (быки и коровы). Все это дети придумали сами. На обратном пути к нам подсел старик, который взялся показать нам сомонное кладбище. Но хоть мы порядком помотались по его указаниям, так ничего и не нашли. Бывают же

такие проводники! В юрте, куда мы заехали в поисках кумыса по его настоянию, кумыса не оказалось.

После ужина Цэрэнханд ушла к своим информантам, Яша, Цэрэнсодном и второй заместитель сомонного дарги поехали за кумысом, а я писала дневник и гуляла по ночному сомону. Вечером к нам по очереди заходили местные старики. Цэрэнсодном поил их кумысом, под кумыс беседы шли веселее. Муж парализованной женщины рассказал, что кладбище находится к северо-западу от сомона. Оно новое, старого давно нет. Раньше при Балиг-хурэ было особое кладбище для лам и мужчин. Женщин хоронили где-то отдельно. Всех завертывали в белый саван и оставляли на поверхности земли, не закапывая. Сейчас таких кладбищ нет. *Сахиусов* различных животных наш информант не знает.

23 сентября, среда. Утром Цэрэнсодном по каким-то своим делам позвонил домой в Улан-Батор. И к своему и моему также неудовольствию узнал, что институтское начальство (Институт языка и литературы АН МНР) желает, чтобы он немедленно покинул экспедицию и вернулся в город, так как кто-то из оставшихся после окончания конгресса ученых, кажется, из Венгрии, желает с ним посидеть над переводами тибетских текстов. И Цэрэнсодном заторопился возвращаться. Я расстроилась, так как наш маршрут еще не закончился. Но дело есть дело. К тому же портить отношения с монгольскими начальниками мне не хотелось, и я дала команду к возвращению. Обратная дорога опять прошла через Булган с ночевкой в уже знакомой нам гостинице. Весь день занял путь от Баян-Агта до Булгана. Но зато столовая, она же ресторан, нас не разочаровала, и мы сытые завалились спать.

24 сентября, четверг. Рано утром двинулись в путь на Сайхан-сомон, где планировалось ночевать и, главное, о чем беспокоился Цэрэнсодном, заполнить кумысом всю имеющуюся годную к его транспортировке посуду. Особенно ему хотелось заполучить с этой целью сорокалитровую флягу, в которой мы обычно возим чистую воду из артезианских колодцев, её мы используем при приготовлении еды, если ночуем в поле, а не в гостинице. Однако Яша, отвечающий за порядок в материальном обеспечении отряда, отказался дать ему флягу, сославшись на то, что после кумыса налитая во флягу вода сохраняет его запах и привкус, и пить её после этого неприятно. Но у нас были несколько 10-литровых бидонов, которые мы Цэрэнсодному предоставили, и он был очень доволен.

Загрузившись кумысом, мы не стали задерживаться в Сайхан-сомоне и двинулись в путь дальше, решив все же заехать по дороге в монастырь Амарбаясгалант. Было известно, что его не разрушили в 30-е гг., когда громили и разрушали все монастыри подряд, что, хотя монастырь и не действует, много храмовых зданий и стены его сохранились.

Однако сейчас темнеет рано, поэтому решили заночевать по дороге. Ничего подходящего для ночлега долго не могли найти. Наконец, уже в темноте нашли огромный стог сена и решили тут и остаться. Накрапывал дождь, было холодно. Залезли в спальные мешки и зарылись в сено. Шуршал, падая в сено, мелкий дождь, и он приятно усыплял.

25 сентября, пятница. Утром перекусили и двинулись в путь на Амарбаясгалант. После ночного дождя дорогу здорово развезло, так что на дорогу ушло более пяти часов. Монастырь стоял довольно одиноко: кругом ни юрт, ни каких-либо построек вообще. Мы обошли его вокруг и уже собирались уехать, когда из каких-то полуразрушенных ворот появился старый монгол. Мы подошли к нему, сообщили, что мы отряд международной советско-монгольской экспедиции и что хотели бы осмотреть монастырь изнутри. Он впустил нас, походил вместе с нами, показал, где находились усыпальницы двух первых Богдо-гэгэнов, потом пригласил к себе выпить чаю. Ему хотелось поговорить, так как живет он тут в качестве сторожа в полном одиночестве. Оказалось, что он в прошлом лама этого монастыря, семьи никогда не имел, жить ему тут скучновато, и нашему приезду он явно рад.

Разговор с охранником монастыря был довольно забавным. Он оказался весьма осведомленным о разных событиях и лицах советской истории, очень интересовался судьбой детей Сталина, удивился и даже расстроился, узнав, что Василия давно нет в живых. Меня он рассматривал с любопытством, а потом тихо поинтересовался у Цэрэнханд: я мужчина или женщина? Действительно, после нескольких дней поездки по монгольским дорогам по грязи, под дождем, да еще в брюках, в ватнике и огромных не по размеру ноги сапогах (других в экспедиционном снаряжении не было) определить, кто есть кто, порою бывает трудновато.

Из историй, связанных с судьбой монастыря, впечатлил его рассказ о партийном чиновнике, которому было приказано взорвать Амарбаясгалант, и он отрапортовал «наверх», что он это сделал, хотя на самом деле рука не поднялась уничтожить этот замечательный памятник монгольской архитектуры и истории, в котором к тому же хранились мощи двух первых ундур-гэгэнов. Естественно, что он был исключен из партии и отправлен в тюрьму, но, когда эпоха репрессий закончилась и ей на смену пришло время восстановления и реконструкции монастырей, «нарушителя приказа» нашли, реабилитировали и вручили орден за спасение национального сокровища.

Выпив чаю, мы двинулись в дальнейший путь. «Хозяин» монастыря расстался с нами с некоторым сожалением, мы явно внесли приятное разнообразие в его жизнь.

Дальнейший наш путь лежал на Дархан. Думали, что доедем туда без проблем за пару часов: сначала 70 км по сельской дороге до главной асфальтированной трассы страны Алтанбулаг – Улан-Батор, а там совсем недалеко до Дархана. А уж там-то остановимся в гостинице, закажем в ресторане горячие бузы (*бууз*), выпьем свежего чаю с молоком (*сүүтэй чай*), отоспимся в кроватях и на подушках, и только тогда почувствуем, что экспедиционный сезон подходит к концу. Однако Монголия — не та страна, где можно расслабиться и предаться мечтам, и она нам быстро это доказала.

До шоссе на Дархан оставалось километров двадцать, когда наша машина чихнула раз-другой, замедлила ход, а потом и вовсе встала. Яков, кряхтя, вылез из кабины, открыл капот, долго что-то рассматривал в поисках поломки и, наконец, горестно сообщил, что лопнул приводной ремень и что, не заменив его, мы не сможем дальше ехать. Тем временем стемнело, опять пошел дождь, к которому вскоре добавился снег, а потом и сильный ветер.

Яков долго рылся в ящике с запасными деталями для машины, нашел там несколько приводных ремней, но — увы! — не подходящих к нашей машине. Все приуныли. Дорога, на которой мы встали, считалась самой короткой до шоссе, но плохой, по ней давно никто не ездил, все пользовались более длинной, но зато хорошей в любую погоду. Так что рассчитывать, что кто-то мимо проедет и нам поможет, не приходилось. Ясно, что придется здесь ночевать. Палатку при таком ветре поставить невозможно, будем сидеть в машине, прижавшись друг к другу, а завтра решим, что делать дальше.

Наверное, так бы все и было, если бы не Цэрэнсодном. Менее всего я ожидала, что именно он способен найти выход из создавшейся ситуации. Гуманитарий по образованию, специалист по тибетской поэзии, не имеющий машины и не умеющий её водить, неожиданно сказал, что он знает, что надо сделать: сплести из шпагата косу, толщиной и длиной с вышедшим из строя приводным ремнем, намочить её водой, прикрепить туда, где полагается быть ремню, проехать примерно 8–10 км, пока веревка не высохнет, опять ее намочить, проехать ещё 8–10 км и снова намочить и так ехать до того места, где можно будет приобрести новый приводной ремень. Яков никогда ни о чем подобном не слышал и потому находился в полном изумлении. Я и Цэрэнханд тоже. Мало веря в положительный исход, мы, тем не менее, сделали все, что сказал Цэрэнсодном, и — ура! — машина поехала. Сосчитать, сколько раз мы останавливались и мочили веревку, не берусь. Но поздно вечером мы въехали в Дархан. За ужином в ресторане я подняла кружку с чаем и провозгласила тост за Цэрэнсоднома: поблагодарила за находчивость, благодаря которой мы ночуем в гостинице, а не под снегом и дождем, присвоила ему «звание» героя Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции. Он скромно улыбался, но, по-моему, был очень доволен.

26 сентября, суббота. Утром позавтракали в гостинице и поехали разыскивать советскую автобазу. А когда нашли её, стали свидетелями ещё одного триумфа Цэрэнсоднома. Пока мы разбирали вещи в машине и укладывали их поудобнее перед последней дорогой на Улан-Батор, на автобазу пошел Яков, с намерением получить там новый приводной ремень для нашей машины. Он вернулся через полчаса весьма злой, сказал, что ничего ему не дали, объяснять, по какой причине, не стал. Наверное, дело было в том, что у него что-то попросили взамен: возможно, бутылку водки, возможно, что-нибудь из запасных деталей, имевшихся у него в машине, может быть, даже тугрики, хотя последнее маловероятно. Работа советских специалистов в Монголии оплачивалась хорошо, проблема была как раз в другом — деньги были, но их не на что было потратить, страна мало что производила сама, а то, что производила или привозила из СССР и других соцстран, быстро раскупалось внутри страны. С этим мы столкнулись сразу же в первый сезон работы. Яков наш — мужик прижимистый, платить ни за что не любит, считал, что всё или во всяком случае многое можно получить «за так». Иногда получалось, но в этот раз нет. И тогда на автобазу пошел Цэрэнсодном. Вернулся он через 15 минут с двумя приводными ремнями. Каким образом ему, почти не говорившему по-русски, удалось объяснить служащим советской автобазы, не понимавшим по-монгольски, что именно ему (и нам!) нужно, осталось загадкой.

Когда вечером мы въехали в Улан-Батор и подвезли Цэрэнсоднома к подъезду его дома, я сказала ему на прощанье, что он уже не герой, а дважды герой Советско-монгольской комплексной экспедиции. Жаль, что такого звания не существует в действительности.

27 сентября, воскресенье. Сегодня последний день этого экспедиционного сезона. Дел выше головы: сдали монгольские вещи на монгольский склад, вымыли, отскребли от жира и грязи все кастрюли, сковородки и миски и сдали их на нашу экспедиционную базу. Остатки макарон, риса, подсолнечного масла отнесла в знакомую монгольскую семью, куда не раз, пока были в городе, заходили в гости. Хозяева — скульптор Даваацэрэн и его жена Лена Штейн — были благодарны за такой «взнос» в их продовольственные запасы. Вечером, уже порядком устав, все-таки нашла силы зайти к Цэрэнханд, её мужу Ойдову и дочери Ариуне и попрощаться с ними.

28 сентября, понедельник. Авиарейсы из Улан-Батора в Москву улетают рано — в 8 часов утра, поэтому в аэропорт надо приезжать в 6.30 утра. Много времени занимает таможенный досмотр. На сей раз все проходит быстро. В аэропорт меня привез В. В. Волков, дождался, пока я пройду регистрацию, и, убедившись, что все в порядке, уехал. Второй сезон экспедиции закончился. Через несколько часов я буду дома.

Литература

- Жуковская 2018 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда // Монголоведение. 2018. № 3. С. 4–12. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-4-12
- Жуковская 2019а — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций) Дневник этнографического отряда (продолжение) // Монголоведение. 2019. № 1. С. 116–133. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133
- Жуковская 2019б — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 206–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222
- Жуковская 2019в — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 27 сентября – 26 октября) // Монголоведение. 2019. № 3. С. 564–582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582
- Жуковская 2020 — Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1970 год – второй сезон. Дневник этнографического отряда (13 августа – 2 сентября 1970 г.) // Монголоведение. 2020. № 1. С. 154–171. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-154-171

References

- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969, the first two weeks of works (celebrating the 50th anniversary of the

- Soviet-Mongolian academic expeditions). *Mongolian Studies*. 2018. No. 3. Pp. 4–12. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-4-12
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance). *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 116–133. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuation: September 15–23). *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 206–222. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance: 27 September – 26 October). *Mongolian Studies*. 2019. No. 3. Pp. 564–582. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1970 – season two. Diary of the ethnography research team (August 13 – September 2, 1970). *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 154–171. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-154-171